

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

*Михаил Иванович КЛЕАНДРОВ —
член-корреспондент РАН, судья
Конституционного суда РФ, доктор
юридических наук, профессор*

УДК 340.1

НУЖНО ЛИ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИНЫМ РАЗУМОМ?

АННОТАЦИЯ. С правовых позиций рассматриваются признаки Иного Разума, в том числе внеземного, и обосновывается необходимость в рамках формируемой правовой отрасли метаправа и с использованием достижений международного космического права, начала осуществления широкомасштабных комплексных правовых исследований, направленных на создание организационно-правового механизма установления контакта и обеспечения правового регулирования отношений с Иным Разумом.

The author considers from a legal point of view the characteristics of Another Reason, including an extraterrestrial one. Dwelling upon this subject within the scope of metalaw, a jurisdiction branch currently taking shape the author provides necessary arguments for making use of recent achievements in the field of international space law that are connected with worldwide complex research in legal sphere aimed at working out law regulations of contacts and interrelations with Another Reason.

То обстоятельство, что до настоящего времени официально не зарегистрирован факт контакта земной цивилизации с Иным Разумом (далее — ИР), во всяком случае он не обнародован, отнюдь не означает, что а) мы одиноки во Вселенной; б) контактов нет и не было вообще, пусть — неформальных, и даже неосознанных. Больше того, есть достаточно официальный документ, подтверждающий обратное: 14 июня 2000 года известному российскому уфологу В. Г. Ажаже Международной регистрационной палатой информационно-интеллектуальной новизны был выдан патент на открытие, краткая формула которого следующая: «Глобальное явление присутствия (посещения) и информационно-энергетическое воздействие надчеловеческого по технологическим проявлением разума на биосферу Земли, доказывающего, что человечество, как носитель Разума, во Вселенной не одиноко» — с расшифровкой: «Таким образом, эмпирически и экспериментально установлено информационно-энергетическое мультипроявление на планете Земля и в околоземном пространстве и воздействие на людей, природу и технику ИНОГО, чем человеческий, РАЗУМА, превосходящего по технологическим возможностям уровень развития человеческой цивилизации, проявляющего себя в так называемых НЛО (неопознанных летающих объектах) и связанных с ним феноменах, что доказывает, что человечество как носитель Разума во Вселенной не одиноко» [1, с. 458, 461].

Кроме того (или помимо того) сегодня, похоже, самый «твердый» атеист признает, что гомо сапиенс произошел-таки не от обезьяны. Многие, и не только ученые, склоняются к мысли о том, что мы — результат клонирования, которое не мог произвести никто, кроме ИР. И вряд ли тот, кто произвел этот эксперимент (либо обыденную для него операцию), оставил нас потом без своего внимания. Во всяком случае к такому умозаключению приводит элементарная логика, правда, — чисто земная, формальная, аристотелевская. У ИР может быть иная логика...

Но даже если названного контакта — в любой форме — не было, и он не осуществляется сейчас, не факт, что он не произойдет в будущем, причем в самом ближайшем. Что он способен принести нам: контактеру со стороны земной цивилизации, локально ограниченному региону непосредственного контакта, государству, представителю (представители) которого вступят в этот контакт, либо в целом всему земному сообществу? Бытовавшее, и даже главенствующее в советском общественном мнении 60-80-х годов представление о том, что любая, в том числе внеземная цивилизация, в своем поступательном развитии достигшая определенного, достаточно высокого уровня (порогом которого обычно определялась техническая способность даже не к межзвездным, а попросту к межпланетным полетам), органически не способна причинить зло цивилизациям (и их носителям), стоящим на более низком уровне развития, сегодня представляется не столь очевидным. Конечно, такое может быть, но лишь в качестве частного случая во всем многообразии отношений (и их проявлении) более высокого Разума к более низкому, менее развитому.

Отсюда вывод, который является базой для дальнейших размышлений: отношение ИР (его «оформленных» или случайных представителей) к нам, землянам, скорее всего — при контакте в любой форме — будет для нас абсолютно непредсказуемым, и это при обязательном условии, что данный контакт будет нами замечен, опознан и идентифицирован именно в качестве контакта с ИР.

Но, может быть, этот будущий (так ли?) контакт с ИР для нас — дело и забота антропологов, ксенологов, лингвистов, биологов, физиков, наконец, но не юристов? Безусловно, это дело и забота всех названных и многих не названных представителей отраслевых наук. Однако юристы здесь выделяются тем, что именно они — как ученые, на первом этапе — должны провести научные исследования до момента контакта с ИР (с блоком вариантов, при которых этот контакт уже имел место либо осуществляется сейчас, но был незамеченным, либо неопознанным, или же попросту засекречен...), и эти исследования должны определиться с предметом и субъектами правового регулирования всего комплекса отношений, связанных с ИР, а на втором этапе — разработать идеологию и концепцию всего массива норм: международных соглашений, национальных законодательных актов, направлений правоприменительной практики и т.д. (причем далее — достаточно далеко) в этой сфере.

Вопрос о том, а нужно ли юристам-ученым этим сейчас заниматься, поскольку есть много других первоочередных и даже безотлагательных забот, представляется резонным, больше того — естественным, но одновременно — риторическим. Ответом на него единственно может быть наша оценка потенциальной угрозы всему человечеству, российскому государству или локально ограниченной общности людей со стороны ИР от будущего (?) контакта с ИР, с учетом того обстоятельства, что надлежащее комплексное и эффективное правовое регулирование обозначенных отношений порог этой угрозы (непосредственных либо отдаленных отрицательных последствий) может значительно снизить. Нельзя же здесь уподобляться мужику (из поговорки), который начинает креститься лишь после того, как грянет гром.

Многие правовые системы мира, и наша — российская — в этом ряду, разрабатывают, а во многих случаях, в том числе и у нас, уже разработали и приняли соответствующие общегосударственные правовые предписания (в России — федеральные законы) о чрезвычайном и о военном положении. Эти предписания можно

охарактеризовать как акты, принимаемые «на всякий случай»: они бездействуют, заморожены, но лишь до наступления определенного случая — природной или техногенной катастрофы, начала военных действий и т. п. Но после наступления этого случая они начинают действовать (на определенной территории) с большей или меньшей степенью результативности, зависящей как от качества их разработки, так и от величины угрозы последствий наступления названного случая (масштабов бедствия, скорости его распространения, адекватности восприятия населением и т. д.). При этом «обычное» правовое регулирование, конкретные нормы конкретных законов, и прежде всего — провозглашающие, закрепляющие и защищающие права и свободы человека и гражданина (не все, но многие, и не автоматически), в свою очередь «замораживаются» на весь период экстремальности обстановки.

Именно по этой причине — ограничения краеугольных фундаментальных прав и свобод человека — законодательные акты в этой сфере принимаются в сегодняшней России в форме не федерального закона, а федерального конституционного закона. Такой закон — «О чрезвычайном положении» от 30 мая 2001 года — установил: чрезвычайное положение означает вводимый на всей территории РФ или в ее отдельных местностях особый правовой режим деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, их должностных лиц, общественных объединений, допускающих данным законом отдельные ограничения прав и свобод граждан РФ, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей.

Обстоятельства, при которых вводится чрезвычайное положение, этим законом поделены на два вида: а) противоправная деятельность людей, типа попыток захвата власти, и б) чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушения условий жизнедеятельности населения и требующие проведения масштабных аварийно-спасательных и других неотложных работ.

В принципе сам контакт с ИР либо даже достаточно высокая вероятность такого контакта, обусловленная конкретно обозначенными предпосылками, могут и должны побудить соответствующие властные структуры принять решение о введении режима ЧП, ибо как сам контакт, так и даже его высокая степень вероятности, конкретно обозначенная соответствующими признаками — предпосылками, могут квалифицироваться, в рамках закона о ЧП, в качестве обстоятельств, обязывающих власти к введению режима ЧП. Другое дело — насколько способны мы идентифицировать и адекватно воспринять характеристики состоявшегося контакта, равно как и признаки его приближения?

Но каким — качественно и структурно — должно быть правовое регулирование отношений, связанных с ИР? Как национальное, внутригосударственное, так и международное, с учетом того обстоятельства, что первое должно соответствовать второму, но может и предшествовать второму, если это второе будет запаздывать? И прежде всего — каким оно должно быть по кругу участников таких отношений?

Отношения, участниками которых являются исключительно государства Земли и международные органы и организации, регулируются космическим, точнее — международным космическим правом, под которым, с общепринятой точки зрения, принято понимать совокупность норм, определяющих статус космического пространства, включая небесные тела, а также регулирующих деятельность государств по использованию космоса [1, с. 341]. Международно-правовую базу этой отрасли права в настоящее время составляют следующие документы: Договор о принципах дея-

тельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, от 1967 года; Соглашение о спасении космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство, от 1968 года; Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, от 1972 года; Конвенция о регистрации объектов, запущенных в космическое пространство, от 1975 года; Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах, от 1979 года и др. Есть и более локальные — по кругу участников — межгосударственные соглашения в сфере космического права, например, Соглашение между Правительствами Канады, государств-членов Европейского космического агентства, Японии, Российской Федерации и США относительно сотрудничества по Международной космической станции гражданского назначения, от 29 января 1998 года (включая разработанный в развитие этого Соглашения Кодекс поведения экипажа Международной космической станции). Определенную — и немаловажную — теоретическую основу развития международного космического права создают как труды ученых-юристов, включая монографические работы ученых из России (в частности [2]), так и международные научные конференции (например, состоявшаяся в марте 2001 года в Сингапуре международная научная конференция на тему «Космическое право: правовые проблемы и коммерческие перспективы для Азии»). Реализуются научно-правовые достижения в этой сфере на международном уровне обычно Правовым подкомитетом Комитета ООН по мирному использованию космического пространства, где и происходит основной процесс разработки норм международного космического права.

Нет нужды говорить (это предельно откровенно явствует даже из вышеприведенного определения космического права и названий основных международных соглашений в области космического права, также приведенных выше), что а) каноническое международное космическое право не «знает» такого участника отношений, как ИР; б) известные — во всяком случае, по открытым источникам — нормы международного космического права ни прямо, ни косвенно не регулируют отношения, связанные с ИР (что, как минимум, маловероятно и на ООН, с ее целями и задачами, не похоже).

Одновременно можно сделать следующий вывод: правовое регулирование отношений, связанных с иным разумом, должно осуществляться а) в рамках (границах) не только международного космического права путем «включения» в него разделов и институтов (совокупности взаимосогласованных международных договоров, соглашений и иных актов), посвященных регулированию отношений — внутри человеческого сообщества, в рамках земной цивилизации, — связанных с ИР; но и б) посредством включения в круг участников регулируемых отношений ИР, что, безусловно, уже каноническим международным космическим правом и вообще какой-либо «человеческой» правовой отраслью являться не будет. Эта новая отрасль — с позиции земной цивилизации и с использованием человеческого понятийного аппарата — получила название «метаправо».

На проходивших 13 и 14 ноября 1999 года в Москве в культурном центре «Меридиан» XIX юбилейных Зигелевских чтениях, посвященных десятилетию работы Ассоциации «Экология непознанного», отмечалась «острая необходимость инкорпорировать в систему права новую отрасль, известную как *метаправо*, которая регулировала бы международные правоотношения применительно к статусу непознанных объектов и явления, как особой внеземной среды, и к деятельности государств по исследованию, использованию и взаимодействию с этими объектами» [3, с. 542]. Легко обнаружить, что предлагаемое определение «метаправа» как новой отрасли права по сути дела не является обозначенным выше расширением канонической отрасли международного космического права, поскольку не содержит такого субъекта, как ИР.

Между тем в российской научной правовой литературе обосновывается необходимость теоретической постановки вопросов о правовых аспектах общения людей с ИР [4].

С точки зрения советского (и российского) ученого-юриста А. И. Иорыша, давно и плодотворно исследующего проблему [5, с. 65], под метаправом понимается совокупность правовых норм, регулирующих отношения между различными расами во Вселенной. При таком понимании метаправа участником регулируемых этой правовой отраслью отношений обязательно должен быть ИР (да и предметом их должны быть исключительно межрасовые — во вселенском масштабе — отношения), а посему разработка принципов, системы, методов и т.п. метаправа как отрасли права пока преждевременна.

Вместе с тем очевидно, что поиск подходов здесь уже сейчас настоятельно необходим. А для этого следует, не дожидаясь контактов с ИР (либо — их идентификации, или рассекречивания информации о них, если они ведутся или имели место в недавнем прошлом), попробовать представить себе, каким может быть этот ИР.

В понятии ИР оба слова — и Разум, и Иной — ключевые. Ибо Иным (Иной) может быть любая, в том числе абсолютно нам незнакомая форма жизнедеятельности, ибо давно уже ясно, что жизнь — далеко не только лишь форма существования белковых тел.

Что касается понятия Разума — в контексте исследуемой проблемы — то, по мнению уже упомянутого В. Г. Ажажи, «разум — это способность логически и творчески мыслить, обобщать результаты познания. Развивая эту формулировку, можно предположить, что Разум — это способность собирать, абстрактно анализировать и использовать информацию для получения качественно новой информации об окружающем и самом себе, для совершенствования возможностей получения новой информации и для выработки адекватных, в том числе сохраняющих реакций» [1, с. 460]. Не очень от этой формулы отличаются определения Разума, приводимые иными учеными [6].

«Классифицировать» ИР, вне всякого сомнения, можно по множеству критериев. Например: 1) принадлежит ли носители ИР Земле — в астрономическом, физическом и ином понимании, либо они инопланетного и вообще, в более широком смысле, внеземного «происхождения»; 2) если мы хоть как-то сможем их понять и определить свое соответствие (уровень своего развития) с ИР, то по своему развитию (интеллектуальному, техническому, культурному и т. п.) носители ИР будут существенно ниже нас сегодняшних, значительно выше нас или примерно нашего уровня (скорее всего, понять это нам будет трудно, и здесь востребованы будут субъективные и заведомо приближенные оценки); 3) в какой мере конкретного носителя ИР, с которым произошел контакт, можно рассматривать именно как полномочного представителя ИР, субъекта метаправа — в нашем понимании у него должны быть полномочия на вступление с нами в контакт и ведение переговоров, а если мы не опознаем таких полномочий?

Вообще-то ситуация здесь даже в самом первом приближении исключительно сложна именно с правовой позиции. Дело в том, что с точки зрения современного права все, что не есть человек (сегодня, по крайней мере), — это объект права, а не его субъект. Хотя если объект разумен (вдруг это так, а мы это не опознали), то не превращается ли субъект — его собственник — в рабовладельца в классическом смысле этого слова? Никакого ответа на этот вопрос никакое законодательство — ни российское, ни зарубежное, ни международное — не содержит; сегодня это не животрепещущая проблема, но ведь завтра она может перейти в плоскость острой необходимости практической реализации, значит, уже сегодня желательно приблизиться к ее решению. И на первом этапе — законодательно определить в разграничении понятия «Разум»: человеческий и Иной.

В самом деле — если мы говорим о человеческом разуме, то что мы имеем в виду: «стандартного» по всем мыслимым параметрам человека или мы включаем в это понятие человека с паранормальными способностями? То есть способностями, переходящими «границу» даже очень «продвинутого» человека, что определить достаточно сложно, если вообще сегодня возможно: это люди, способные и реально владеющие телепатией (гомеотелепатией, эндо- и экзоэмпатией, бителепатией, предтелепатией и т. д.), биолокацией, телекинезом (телетаксизом, теледеструкцией, телеконверсией, перцептацией), телепортацией, внечувственно воспринимающие информацию из будущего (владеющие прекогнитивной), из мозга другого человека, из памяти ЭВМ, способные к дальновидению, ясновидению, акциденции — осознанным или неосознанным даром управления случайностями, приносящими данному человеку особую удачу, гетерохронией — управлением временем и т. д. Есть ли такие люди среди нас, насколько они, в силу своих паранормальных способностей, превосходят человека, точнее, верхнюю «границу» его способностей, — вопрос открытый. Но случаи абсолютного гипнотического воздействия на жертву, например, в процессе гадания, в истории криминалистики, более того — в практической деятельности правоохранительных органов г. Тюмени, зафиксированы. Научные же эксперименты в области внечувственного воздействия на предметы, передачи мысли на расстоянии и т. д. дают противоречивые, неоднозначные результаты. Являются ли они представителями ИР, или они — люди, а если да, то представляют ли эти люди реальную или потенциальную угрозу для «нормального» человека нашего общества или человечества в целом? Нужно ли создавать механизм защиты от таких людей, а если нужно, — какой должна быть правовая составляющая этого механизма как относительно источника повышенной опасности?

Даже здесь отсутствие понятийного и хотя бы приемлемого терминологического аппаратов, относительное отсутствие правовой теории, почти чистый «вакуум» правового регулирования делает своевременным стратегическую разработку правовых признаков, наделение которыми по отдельности позволит расширить или сузить общепринятое понятие «человек разумный».

Одновременно необходимо указать на два допущения: 1) ясности в том, что такое человек, даже только с биологической и психофизиологической позиций, а тем более — с философской, нет и никогда не было (еще Платон выводил определение человека: «Двуногое, без перьев, с мягкой мочкой уха и плоскими когтями»), а наличие разума никогда не служило определяющим критерием, как, впрочем, и обладание второй сигнальной системой), поэтому разговор может идти и о человеке просто, и о «сверхстандартном» человеке и, далее, о суперчеловеке (сверхчеловеке?), и вообще не о человеке (где грань: пока он «еще» не человек, «еще» человек и «уже» не человек?); 2) психофизиологические характеристики людей вообще сравнивать можно только в условной форме, тем более если говорить о сферах высшей нервной деятельности; но по каким параметрам сравнивать с человеческим «сверхразум сверхсуществом»? Даже по такому — всем матерям Земли очевидному, но не очевидному юристам — вопросу, является ли человеческий эмбрион разумным, когда он становится разумным, и является ли он вследствие признания его разумным субъектом права, никакой ясности нет. И не только в нашей стране. Например, в ФРГ федеральный конституционный Суд дважды занимался юридической защитой нерожденной жизни в рамках конфликта, связанного с беременностью. В решении 1975 года суд установил, что развивающаяся в утробе матери жизнь как само собой разумеющееся правовое благо находится под защитой конституции; жизнь, как выразился Суд, «существует, согласно гарантированным биологическим познаниям, в любом случае с 14-го дня после зачатия». Во втором решении — от 1993 года — Суд по поводу защиты жизни констатировал, кроме того, что нерожденной жизни уже принадлежит достоинство человека [7, с. 60]. Является ли признание факта наличия достоинства неотъемлемым атрибутом разум-

ности — пока тоже вопрос. Поэтому предлагаемая классификация носителей ИР даже в этой части весьма и весьма условна.

К категории основополагающих (по водоразделу: наш, т. е. человеческий разум — не наш, т. е. ИР) относится и ответ на вопрос: ЭВМ будущего, какого-нибудь 25-го поколения, обладающий собственным сознанием и по своим разрешающим интеллектуальным и иным способностям превосходящий самого выдающегося человека — это наш или Иной Разум? Создание такого ЭВМ — дело не абстрактно далекого, а конкретного, причем ближайшего, будущего: уже сейчас компьютерный концерн «Майкрософт» ведет разработки принципиально нового программного обеспечения, которое представляет собой фактически искусственный разум на основе теоретически найденного пути к созданию программы, способной к саморазвитию. Эта программа, под названием «Авида», основана на принципах, схожих с эволюционной теорией Дарвина: она постоянно увеличивает количество внутренних связей и схем и сохраняет только наиболее эффективные; фактически речь идет об электронной мутации. С одной стороны — это разум наш, нами (в смысле — современным человечеством) созданный (хотя дальше он будет развиваться без нашего участия), но с другой — это же не человек, и сегодня — объект, а не субъект права. Сегодня-завтра проблем (в том числе — посредством правового оформления) осуществления контакта с ним нет, а завтра, когда он станет — в наше понимание и с позиции собственного восприятия — разумным?

Важным, хотя и гипотетическим (пока) является ответ на вопрос о принадлежности (или — непринадлежности в общепринятом значении) к человечеству людей, не являющихся членами современного человеческого общества. Они, эти люди, хорошо описаны в литературе, прежде всего, — в фантастике (разумеется — не в «фэнтэзи», а в «спейлс фэкшн»), но достоверных, научно подтвержденных доказательств их существования нет, во всяком случае — в открытых информационных источниках. Это люди — путешественники во времени (точнее — из будущего, равно как и из прошлой временной развилки, т. е. — «иновремене»: в периодической печати (Российская газета, 1996, 16 февраля) отмечается, что Британское Королевское метапсихическое общество, основанное 150 лет назад, «накопило в своих архивах почти двести фактов проникновения прошлого и будущего в настоящее. Особенно много «встреч» с прошлым. Причем отобраны только те факты, которые подробно исследованы и подтверждены показателями свидетелей»); потомки жителей «замаскированных» (в силу непонятных или неизвестных нам причин) ныне исчезнувших (а может быть, и сохранившихся в скрытом виде) человеческих легендарных цивилизаций — Шамбалы, Лемурии, Гондваны, Атлантиды и др.; члены бессмертного союза девяти (белой девятки), может быть, созданного еще царем Ашокой, нацеленные и реально способные оберегать человечество от открытий и изобретений, влекущих гибель земной цивилизации, и т. д. Технические возможности современного человечества взаимодействовать с такими «людьми» просматриваются весьма смутно, но это сегодня. Являются ли они субъектом метаправа? Или это все-таки люди, и о контакте с ними, как о контакте с ИР в рамках метаправа, говорить не стоит, и можно ограничиться рассмотрением их в качестве субъектов международного права, и то лишь потенциальных?

С одной стороны — реальные следы существования в прошлом на Земле цивилизации, не уступающей в своем развитии современной (а то и превосходящей ее), имеются. Это следы как материальные (Баальбекская веранда, рисунки на плато Наска, карты адмирала Пири Рейса и т. д.), так и информационно-эзотерические (знания племенем догонов параметров звездной системы Сириуса, знание древними, а от них — Джонатаном Свифтом существования и параметров спутников Марса и т. д.), и вопрос — кто прямой наследник этих следов, в смысле — достижений тех цивилизаций, уже не кажется праздным.

С другой стороны, уже сегодня немало (сотни!) людей подвергли себя криогенизации в форме глубокой заморозки целиком или только своих голов с тем, чтобы их разморозили через десятки/сотни лет. (Кстати — вот чисто правовой вопрос: они — субъекты права, в смысле — они еще живы или уже нет? Протекают ли в них, пусть и медленно, жизненные процессы, или нет? Отсюда, в частности, — правоспособны ли они, могут ли, например, вступать в наследство их наследники, вступать в брак их супруг (супруга) и пр.? И современными техническими средствами ответ на вопрос о наличии или отсутствии в них жизненных процессов не получить: только разморозка даст ответ — живы ли они (а если живы — дееспособны ли) или давным-давно мертвы; причем такой «человеческий» акт, как «Инструкция по определению критериев и порядка определения момента смерти человека, прекращения реанимационных мероприятий», утвержденная Приказом Министра здравоохранения РФ от 4 марта 2003 г. № 73 и зарегистрированная в Минюсте РФ 4 апреля 2003 г. № 4379, здесь полностью неприменим). А если представители тех — высокоразвитых — цивилизаций «разморозятся» — будут ли они вправе претендовать как собственники на названные следы достижений своей(их) цивилизации? А главное, они — наш или именно не наш, не человеческий, а Иной Разум?

Одновременно, но в несколько ином векторе следует вести речь о не нашем, не человеческом, но, в то же время, сугубо земном разуме. Речь идет о ситуации, когда изымается признак видовой и нужно говорить уже вообще не о человеке. Не о человеке в биологическом, психофизиологическом и прежде всего — в правовом смысле. Но о существе (предмете) разумном (может быть, квазиразумном), могущем претендовать на звание субъекта права, по уровню развития «недоотягивающего» до уровня человеческого разума. Хотя и он — не показатель... Но — безусловно земного происхождения. Это могут быть биороботы с искусственным квазиразумом, животные (дельфины — не из этих ли соображений они внесены в Красную книгу?; «снежный» человек?), коллективный разум (пчелы, муравьи?), иные существа, вещества и пр. (разумные грибы, вирусы, растения, минералы...), в т. ч. мистического, трансцендентального толка. Судили же животных (А. Сухарев и К. Грач в работе «Криминальные истории о животных» рассказали о множестве судебных процессов, проходивших в средние века в Англии, Германии, Италии, Голландии, Швеции, Бразилии, Канаде над «инакомыслящими» птицами, животными, мышами и даже насекомыми; и это было сравнительно недавно — по приговору церковного суда в 1810 году в Париже сожгли лошадь с хозяином «за связь с темными силами» [8] за связь с дьяволом, т. е. с объектами (в нашем понимании) права боролись, защищая человеческое общество правовыми средствами, квалифицируя их в качестве именно субъектов права.

С точки зрения правовой науки, здесь вообще «туман»: нет ни законодательства, ни теории (кроме теологии), ни практики (кроме средневековой). Постулируя, что эти субъекты права все-таки существуют (что не худо бы не принимать на веру, а как-либо научно доказать), нужно отметить следующее. Сегодня человечество от таких субъектов (?) права практически не защищается — ни правовыми, ни иными средствами, нет нужды (была ли нужда раньше — тоже вопрос), но само защищает их прежде всего от «стандартных» людей, прибегая к помощи норм уголовного, гражданского, природоохранного и некоторых иных отраслей права, правда, рассматривая их все-таки как объекты, а не субъекты права. Прежде всего, видимо, потому, что нет достоверных научных данных о наличии разума у этих субъектов (такowymi у микробов, например, может стать ситуация, когда исследователь увидит в микроскоп микробов, выстроившихся в надпись: «Хотим вступить с вами в контакт»), да и само понятие «разумный» применительно к нечеловеку требует формализованного определения. Уместным здесь является остроумное высказывание Я. Голованова: «Инопланетная цивилизация несравненно более высокая, чем земная. Но искренне недоумевают, когда им объясняют, что больных есть нельзя» [9].

В том же, пожалуй, ряду следует вести речь о частично (наполовину?) земном, а наполовину — уже внеземном человеке (так ли этого субъекта назвать?), матерью которого является земная женщина, а отцом — инопланетянин. Таких сообщений в последнее время в СМИ появляется все больше, и речь в них идет о все больших масштабах. Например, профессор Гарвардского университета, лауреат Пулитцеровской премии Джон Мэк утверждает, что четыре миллиона американцев могли быть вовлечены в генетические опыты инопланетян, цель которых — выведение гибрида землян с пришельцами. Правда, неоспоримых доказательств таких опытов, как и их результатов, Дж. Мэк не приводит. Но все-таки если предположить, что это — не «утка» и не плод воспаленного воображения неуравновешенных в психическом отношении отдельных представителей прекрасного пола, то возникает весьма непростая — с сугубо юридической точки зрения — проблема с определением правового статуса названного «гибрида», тем более если счет их идет на миллионы.

Пожалуй, только если говорить о заведомо не земном (или — внеземном) Разуме, ответ на поставленный вопрос будет заведомо однозначный, когда речь идет о инопланетянах, жителях как нашей Солнечной системы (если они есть), так и вообще всей Вселенной, в т. ч. невообразимо обогнавших нас в своем развитии. Это и жители параллельных миров, т. е. иных физических измерений, и т. д. Гипотетическое разнообразие их невероятно: они могут быть и гуманоидами и их жизнедеятельность может быть основана на кремниевой (почетный профессор Королевского университета США Том Голд считает, что на очень больших глубинах Земли есть обширная биохимическая система, которая прекрасно существует при высоких температурах и давлении; что организмы с кремниевой основой, абсолютно не связанные с углеводородными формами жизни, могут обитать в глубинах нашей планеты. Правда, о разуме этой формы жизни он не говорит [10] или даже плазменной либо лучевой основе; их жизнедеятельность может протекать совершенно в ином временном ритме (режиме), многократно отличающемся от нашего, либо быть даже по отношению к нам вектором времени встречным, перпендикулярным, «ветвящимся», как многократно от наших могут отличаться их размеры (от размера ядерных частиц до размера звезды и даже звездных скоплений) и т. д. и т. п.

В таком же ключе можно говорить и о таком «неземлянине», такой реальности, пусть и гипотетической, как то, что обобщенно можно охарактеризовать в качестве Мирового (Космического) Разума — явления (субъекте?), непознаваемого нами, точнее — нашими органами чувств и нашими приборами, и само существование которого — с сугубо материалистических позиций — проблематично.

Поставленные здесь проблемы — для правовой науки дело в основном пионерное, и хотя бы в силу этого схоластическим теоретизированием названо быть не может. Впрочем, и программа законотворческих работ прямо на базе приведенных рассуждений вряд ли может быть составлена. Нужны исследования — теоретические, комплексные — как разных отраслей правовой науки, так и разных наук.

Только на их основе могут быть разработаны дельные, реальные правовые предписания, адекватные могущим встать проблемам в осуществлении контакта с ИР. Разработанные Международной академией астронавтики еще в 1989 г. (кто о них знает?) международные правила поведения при получении внеземных искусственных радио(теле)сигналов (которыми предписывается исключить прежде всего все «земные» объяснения пойманному сигналу; затем — сообщить об открытии Международному астрономическому союзу и ООН, где создается комиссия, проверяющая сообщения, и затем, если факты подтвердились, принимается международное соглашение, запрещающее создавать помехи на частоте сигнала, а тем более передавать сообщения без согласования с заинтересованными странами [11]) представляются только первым, пробным и весьма робким шагом на пути формирования метаправа.

И в качестве первого шага необходимо будет определиться о круге отношений, связанных с контактом; и здесь возможны варианты: а) организация поиска ИР (его носителей, проявления волеизъявления этих носителей) и целенаправленная деятельность по установлению с ним контакта, то есть активная работа по установлению контакта; б) ожидание проявления воли носителя ИР по установлению контакта, т. е. пассивное ожидание контакта; в) промежуточные состояния. От выбора варианта зависит и стратегия прогностической работы по формированию метаправа, его структура и другие аспекты и параметры научно-правовых исследований.

Не менее важным в качестве первого шага представляется определение подходов к классификации субъектов рассматриваемых правоотношений и с нашей — земной — стороны. Кто юридически вправе представлять человечество в целом, современную земную цивилизацию? ООН? Региональные блоки государств типа Европейского Союза, Совета Европы, СНГ? Государство, которому первым повезет (или, наоборот, не повезет) установить контакт с ИР? Субъект федеративного государства (наши субъекты ведь вправе вести самостоятельную внешнеэкономическую деятельность), административно-территориальное образование, орган местного самоуправления, отдельная фирма? Или человеческий индивидуум, коему ни один национальный законодательный акт и ни одно межгосударственное соглашение о правах и свободах человека не запрещают установление и поддержание контактов с ИР? Хотя и не «разрешают» устанавливать эти контакты также...

Вполне уместным видится известное в науковедении положение К.Маркса: «Человечество ставит себе всегда только задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления» [12, с. 7]. Если осознание необходимости международно-правового урегулирования контактов человечества с ИР, точнее — его носителем (представителем — ?) можно предположить, что имеется, то уж что оно — осознание необходимости — находится в процессе становления, может быть, лишь в начальной стадии этого процесса, — несомненный факт.

Принято считать, и эта оценка представляется объективно справедливой в рамках (границах сферы) представлений сегодняшней земной цивилизации, что затраты на прогнозирование того или иного события или явления в 10-15 раз меньше, чем на ликвидацию последствий от ошибочно принятого решения, а это, в свою очередь, означает, что рациональное расходование средств на квалифицированный анализ ситуации и верный прогноз эквивалентны привлечению дополнительных, подчас весьма значительных, инвестиций. Но ведь ошибка, допущенная человеком (той или иной группой людей) в организации и проведении контакта с носителем (представителем) ИР, вызванная отсутствием или дефектами правового регулирования процедуры этого контакта, может повлечь огромные, непоправимые беды для всех землян и даже гибель человеческой цивилизации, следовательно, любые затраты на прогнозирование рассматриваемого контакта и его последствий, равно как и на правовое обеспечение этого контакта, не будут чрезмерными. Ведь даже в рамках хотя бы чисто земной юриспруденции Спиноза верно подметил: «Каждый имеет право в меру значительности своей силы». К тому же известно — законотворческая деятельность, даже международная, по совокупным затратам ничтожно мала в сравнении с подавляющим большинством иных сфер созидательной человеческой деятельности. Прогнозные исследования и разработки по метаправу здесь не станут исключением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Московский журнал международного права. 2000. № 4.
2. Международное космическое право / Под ред. А. С. Пирадова. М., 1985; Международное космическое право / Под ред. Ю. М. Колосова. М., 1999; Яковенко А. В. Прогрессивное развитие международного космического права. М.: МГИМО, Изд-во «Международные отношения», 1999.

3. Московский журнал международного права. 2000. № 2.
4. Ермаков С. Э. Идея метаправа и встречи с иным разумом // Московский журнал международного права. 1999. № 2. С. 41–55; Клеандров М. И. Еще раз об идее метаправа в контексте предстоящей встречи с иным разумом // Московский журнал международного права. 2000. № 2. С. 384–393.
5. Иорыш А. И. Проблема вземных цивилизаций и «метаправо» // Советское государство и право. 1978. № 9. В этой статье А. И. Иорыш анализирует точки зрения на метаправо американских ученых Э. Хейли и М. Саммерфильда, австрийского юриста Э. Фозана и др.
6. Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума /Международный независимый экол.-политол. университет. М., 1998; Павел Мир. Вземной разум и бессмертие. Волгоград, 1996. Васильев Г. Н., Зобов Р. А., Келасьев В. Н. Проблемы индивидуального и коллективного разума / Под ред. Келасьева В. Н. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1998; Соколов А. С. Пути разума: Социально-антропологические аспекты типологии рациональности / Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1996.
7. Лимбах Ю. Достоинство человека и прогресс медицины // Конституционное правосудие на рубеже веков: Материалы международной конференции, посвященной 10-летию Конституционного Суда Российской Федерации (1-2 ноября 2001 г., г. Москва). М. НОРМА, 2002.
8. Российская газета. 1995. 8 декабря.
9. Голованов Я. Заметки вашего современника. Из записных книжек // Комсомольская правда. 1999. 28 августа.
10. Российская газета. 1998. 9 декабря.
11. Труд. 1997. 26 сентября.
12. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. 2-е изд. Т. 13.

Виталий Викторович СОРОКИН —
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права Алтайского
государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент.

УДК 340.5

СИСТЕМА ПРАВА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

АННОТАЦИЯ. Коренные социальные изменения переходного периода не в последнюю очередь сказываются на правопонимании. Пороговые состояния в развитии общества и государства приводят к наполнению права рядом специфических черт. В статье рассматривается ряд имманентных праву признаков на предмет их своеобразия в переходных условиях.

The crisis of law regulation is a sign of a transition period because at that time the national law systems usually loose its stability and efficiency. The article focuses upon a number of immanent legal peculiarities of the transition period.

С введением в научный оборот категории «правовая система» понятие системы права оказалось ею поглощенным, но не утратило своего самостоятельного научного значения. Разница между понятиями «правовая система» и «система права» заключается в различной степени обобщения правовой действительности. Система пра-